

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ В НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ СУХОНЫ: ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЙ АСПЕКТ

Статья выполнена в рамках гранта «Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы», лот № 2012-1.2.2-12-000-3004-4292

В статье раскрываются диалектно-стилевые особенности исполнительской сферы похоронных и поминальных причитаний традиции среднего течения р. Сухоны, обусловленные функционально-смысловой направленностью причетных форм, устойчивостью народных представлений о нормах взаимоотношений мира живых с миром умерших.

Народная традиция среднего течения р. Сухоны, похоронные и поминальные причитания, диалектно-стилевые особенности исполнения.

The article describes the dialect-style features of performing the funeral and memorial traditions of the middle course of the river Sukhona resulting the functional-sense direction of keen, people's ideas of the standards of interrelations of the world of living with the world of the dead.

Folk tradition of the middle course of the river Sukhona, funeral and memorial lamentations, dialect-style features of performing.

Причтания как один из определяющих жанров системы фольклора Вологодчины занимают лидирующее положение в комплексе обрядов семейно-бытового цикла, направленных на отчуждение представителя семейно-родового коллектива, связанных с изменением его социального статуса.

Причетные формы в сфере похоронно-поминальной обрядности сохраняют свое ведущее значение и по настоящее время, поскольку на образно-художественном и функционально-семантическом уровнях выражают устойчивые представления и жизненно-смысловые доминанты мировоззрения человека в народной традиции. Как отмечает А.М. Мехнцов: «В текстах причитаний складывается идеальная (воображаемая) форма происходящего, устанавливаются, подтверждаются нормы обязательных взаимных отношений мира живых и душ усопших» [3, с. 103].

Развитая традиция похоронно-поминальных причитаний зафиксирована на территории среднего течения р. Сухоны в ходе научно-исследовательских экспедиций Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета (научный руководитель – кандидат искусствоведения, заслуженный работник культуры РФ Г.П. Парадовская)¹.

¹ Ранее – Лаборатория народного музыкального творчества Вологодского государственного педагогического института. Всего за период с 1982 по 2005 гг. состоялось свыше 30 экспедиций. Исследования 1987 и 1989 гг. проводились совместно с Фольклорно-этнографическим центром Санкт-Петербургской (ранее – Ленинградской) государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова

Диалектно-стилевые особенности причетной сферы, типологические свойства ее художественно-образной системы выявляются на основе комплексного подхода к изучению явлений традиционной народной музыкальной культуры. При изучении сильных причетных форм исполнительский уровень становится одним из значимых.

В целом, исполнительство следует рассматривать в двух аспектах: как структурно-содержательный компонент фольклорного текста, который обладает особыми формами и приемами выразительности, имеющими свою локальную специфику, и как форму познания фольклорного музыкального мышления, отражающего уровень устойчивых народных представлений о жизни и смерти.

Проблематика исполнительства обусловлена природой и спецификой фольклорных явлений. Художественный текст имеет дискретный характер бытования в традиции, воспроизводится лишь в случае жизненной необходимости и «между двумя актами воспроизведения не существует материально» [7, с. 69], а хранится в коллективной памяти носителей культуры. В определенный момент действительности происходит актуализация художественного опыта, при котором слушатели становятся его восприемниками, хранителями и в последующем исполните-

(научный руководитель – А.М. Мехнцов). С 1992 г. в экспедиционных обследованиях принимали участие представители муниципального Центра традиционной народной культуры с. Нюксеница Вологодской области. Территория, расположенная в бассейне среднего течения р. Сухоны, охватывает Нюксенский, частично Тарногский, Бабушкинский и Тотемский районы Вологодской области.

лями. При этом каждый исполнительский акт всегда есть не только воспроизведение художественных, но также всех контекстуальных и функциональных составляющих, определяющих необходимость «извлечения текста из памяти, в равной степени способной сохранять как текст, так и сопровождающие его вне-текстовые элементы» [6, с. 41].

В данной статье исполнительский уровень рассматривается как существенный компонент причетного текста, функционирующий в сложноорганизованной системе фольклорно-этнографического текста, которая «образуется в силу обусловленности формы и характера соподчинения составляющих его структурных элементов ведущим смысловым начальном и жизненным назначением текста в целом» [4, с. 180].

Причтания в традиции среднего течения р. Сухоны маркируют все значимые моменты похоронно-поминальной обрядности [подробнее см.: 2]. В зависимости от степени выражения эмоционально-обрядового состояния исполнителей, плачевые формы получают следующие определения:

– «причитать»: «*Ой, наприцитают да克 всяко покойнику-ту!*» (Уфтиюгский, Мальчевская, 1273-52¹); «*А как заприцитаэшь, да克 и все и заревут*» (Востровский, Вострое, 1638-28);

– «реветь»: «*взохала да заревела, да и заревела, само по себе оно тут насобираетце цево ревитъ-то в горе-то*» (Уфтиюгский, Кокшенская, 1422-32); «*на кладбишишо пришла и заревела*» (Востровский, Вострое, 1638-23); «*да克 много-то знати, да克(ы) на крыльце ревили: утрам да и вецирам – да выйдут и заревят, как останутце-то*» (Уфтиюгский, Пожарице, 2443-04);

– «вывть»: «*вою, другой раз вою, вою*» (Уфтиюгский, Ивановская, 2256-06);

– «муряvkать»: «*эдак ревела-то, муряvkала*» (Уфтиюгский, Кокшенская, 1422-35); «*мы уциём, да все голосом замуряvkаем, заревим, да и бежим туда к (и)и*» (Уфтиюгский, Кокшенская, 1422-35).

Следует отметить, что наиболее часто для атрибутирования обрядового плача в традиции употребляются глаголы «причитать» и «реветь», причем они имеют близкие формы обрядового выражения, поэтому зачастую упоминаются в паре: «*пореви, по-прицитай*» (Уфтиюгский, Лесотино, 445-02).

Дефиниция «муряvkать» встречается как наиболее экспрессивная степень выражения эмоционально-обрядового состояния: «*А мать, да克 та замуряvkает небаским голосом, как я сеция, прихреплеёт – она уж, от горя-то уж она не может*» (Востровский, Вострое, 1638-33). Подобное исполнение не является нормативным в традиции, связано с опасностью спровоцировать нежелательные явления, по-

этому вызывает тревогу и беспокойство у других представителей деревенского социума: «*Вот и перед сорокоусом мою всё везде, в избе вециром вымыта, вециром всё и делала. На мосту вециром мою, а, знаэшь, мою да ревлю, муряvkao. А рядом – дак она уциюла, пришла, мне заколотиласе да克: “Ты што, с ума сошла? Што ты? Тебе Манька поблазнит”*. А я ревлю: «*Хоть бы мне поблазнило!*» А вот не поблазнило, эдак ревела-то, муряvkала, а не поблазнило» (Уфтиюгский, Кокшенская, 1422-35).

«*Вытье*» по умершему, как правило, находит аналогии с поведением представителей животного мира: «*вою <...> как бегута*» (Уфтиюгский, Ивановская, 2256-06), «*тут как собаки воют*» (Бобровский, Бобровское, 1839-10).

Особо местными жителями описывается асинхронное причитание двух и более исполнительниц во время кульминационных моментов похоронной обрядности: «*Причтывают, как волки ревят, кто как сунчёт. Там ведь не одно тожо, скажом, она што причитает, то и я: она своё причитает, да я своё, да и вы – своё, дак тут как волки ревят да собаки лают!*» (Брусенский, Брусенец, 456-17). Согласно высказываниям, у слушателей причитаний при этом возникают особые ощущения: «*Оне на машине, скажом, едут, дак около ёво так, в обшэм, наклоняще, да и тут попеременку – дак ведь как волки тут! Да, гул. То, другоё, так как-то, знаёшь, даже смотреть это со стороны, дак даже кожу обдирает, неудобно*» (Брусенский, Пустыня, 735-04).

«*Голос*» похоронно-поминальных причитаний в среднесухонской традиции исполнители определяют как: «*покойничный голос*» (Нюксеница, 472-21); «*покойнишний* голос (Дмитриевский, Побоищное, 498-22); «*небаской голос*» (Востровский, Вострое, 1638-33); «*голос слезливой*» (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1642-02); «*жалобный*» голос (Бобровский, Бобровское, 1839-05).

Сравнивая «*голос*» причетных форм свадебной и похоронно-поминальной обрядности, деревенские жители отмечают, что «*об живых, дак поют веселая, а мертвый дак это голос жалобнее. (др. – Об покойнике дак такой и голос – слезливой. А об живом ёловеке дак... Тоже, видяу, ревят о свадьбе, видяу, жалиют. Да как?! Голос-то на жизнъ идёт, на жизнъ, а не смерть ведь)*» (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1642-02); «*у невесты – повеселая, а об покойнике-то – жалобно*» причитают (Востровский, Заболотье, 486-08).

Поясняется это тем, что невеста выходит замуж, но при этом остается в реальной жизни социума (правда, в ином социально-родовом статусе), а умерший покидает этот мир навсегда: «*Вот как ревят-то, жалиют-то! Ноны в последней путь провожаешь, дак больше и не в живых, и не в мёртвых не увидишь, дак как тут не жауко чёловека! Если вот на свадьбе-то, дак штё оно – прицитаешь, а вот тут же в глазах, видяу, она жить будёт дак. Не так жауко, а и то ревили. А как в последней-от путь, да больше не увидишь-то – ой! А мама умерла, дак я думаю – заревуся!*» (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1632-06).

¹ Высказывания деревенских жителей представлены с учетом особенностей диалектной речи. В скобках указывается место записи информации в Нюксенском районе Вологодской области (сельсовет, деревня), номер записи и единицы хранения по фонду архивных аудиозаписей фольклорно-этнографических материалов Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета.

Эмоционально-обрядовое состояние исполнителей сольных причитаний находит особое выражение в структурных элементах причетных форм: специфике начального возгласа, цезурах, словообрывах, протяженности разделов, обусловленной физиологическими особенностями певческого дыхания [подробнее см.: 1].

Темпоральные, динамические, темброво-тесситурные особенности исполнения в системе похоронно-поминальной обрядности традиции определяются на основе следующих высказываний жителей окрестных деревень о том, как следует причитать:

– «*пылко*»: «*когда понесут-то, дак пылко ведь кричишь*» (Бруноволовский, Кокуево, 454-04); «*да ведь другие пылко-то причитают, да эдакие голосистые-те ведь дак!*» (Уфтугский, Мальчевская, 1273-52);

– «*громко, громко, громко*» (Востровский, Вострове, 1392-12);

– «*во всю голову*», «*ско[ль]ко у тебя моци ес[тъ]*» (Уфтугский, Ивановская, 2256-19, Мальчевская, 1273-49); «*а как причитали-то во всю-то головушку ведь – дак штё ты!*» (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1632-06);

– «*протяжно*»: «*шибко как протяжно*» (Бобровский, Бобровское, 1838-20), «*ростяжней*» (Нюксеница, 2433-17), «*вот эдак всё-то и причитаю, развозжу эдак*» (Востровский, Копылово, 1400-24), «*нараспев*» (Нюксеница, 1373-17);

– «*жалобно*» (Востровский, Заболотье, 470-46); «*заунывно эдак причитают*» (Городищенский, Городищна, 1136-25).

Суммируя комментарии, получаем целостную характеристику особенностей исполнения причитаний в похоронно-поминальной обрядности: причитают громко, «пылко», «во всю голову», протяжно и жалобно. Подобное исполнение обрядовым тембром в высокой тесситуре обеспечивает обертоновое звучание, при котором на акустическом уровне утверждается семантика обрядово-коммуникативной сферы, направленной на установление нормативных отношений живых с миром умерших родителей для обеспечения последующего жизненного благополучия.

Максимальную степень насыщенности причетное поле получает в кульминационные моменты обрядового действия (во время выноса гроба, далее по пути следования на кладбище во время похорон, при захоронении) при одновременном множественном (асинхронном) исполнении причитаний: «*Из избыто как стали выносить-то, дак сильно-сильно причитали! Все уж тут хто ёвё – все ревили, уж сильно причитали. А потом вынести, дак вот до самово кладбишиша, я всё проревела, всё пропричитала – всё, всё, всё! И тётка причитала и я причитала до самово кладбишиша*» (Бобровский, Бобровское, 465-12); «*когда везут дак, конечно, уж тут-то все, все ревят – тут все, все-все, все-все! И каждый свой, каждый свой, каждый свой горё выкладывает*» (Нюксеница, 472-22).

Как отмечают исследователи, акустический код обряда выполняет важные ритуально-магические и

коммуникативные функции, «одновременно создает и разрушает границу между «тем» и «этим» светом, защищает людей от потустороннего влияния», «служит средством установления контакта, связи с обитателями иного мира» [5, с. 78].

Значимой является акциональная составляющая причетных форм: причитания в среднесухонской традиции сопровождаются особой формой поведения – падением ниц, определяемой как «хлопанье» / «хлестание»: «*Вот как можно две сестры хлопались, да оне и в ростяжку-то эдак, не на коленки, а вростяжку-то хлопнутие вдоль-то по полу – причитали-то. Ой, мы едва их поднели! Оне ушли уж, иё унесли, таи на трактор поставили, а оне всё лёжат на полу. Едва поднели. Вот как ревят-то, жалуют-то!*» (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1632-06). Как особый вид поклона (в его наивысшей степени выражения), «хлопанье» / «хлестание» в традиции является типовым ритуальным поведением для всех обрядов семейно-бытового цикла, связанных с переходом представителя из одного семейно-родового статуса в другой. Таким образом, и на акциональном уровне подчеркивается, усиливается и утверждается жизненно-смысловое назначение причетных форм.

Длительность исполнения причитания определяется функциональной и контекстуальной значимостью художественного высказывания, а также мастерством причитальщицы: «*Тут можно доуго причитать. Ёвё эдакое вспомнишь горькоё, вот и причитаёшь, тутока всё так и выпричитываэшь*» (Брусенский, Пустыня, 1456-06). Наиболее опытные исполнители «*к каждому причёты прибавляли, к каждому причёты. Да ведь другие пылко-то причитают, да эдакие голосистые-те ведь дак! Ой, на-причитают дак всяко покойнику-то!*» (Уфюгский, Мальчевская, 1273-52).

Многочисленными являются сведения о том, что раньше практически каждая женщина умела причитать. Причитание представительниц женского пола являлось традиционной нормой. Умение, основанное на слушательском опыте, приходило вместе с жизненной потребностью выразить свое горе по потере близкого человека: «*но покойнику – дак што уж?! – это хто и не знает, дак заревит, запричитает*» (Востровский, Леваш, 1834-34); «*станёшь ревить дак горё найдёт слов*» (Дмитриевский, Побоищное, 498-22); «*взохала да заревела, да и заревела, само по себе оно тут насобираетце цево ревить-то в горето*» (Уфтугский, Кокшенская, 1422-32).

Однако, согласно народным представлениям, причитать по покойному следует «умиочи», «складно», чтобы нормативно справить обряд и обеспечить себе дальнейшую благополучную жизнь, в связи с чем, для данного ответственного дела могли приглашать знающих причитальщиц, пользовавшихся авторитетом у односельчан: «*Анна-то Васильёвна, та умеет причитать, дак она свои и чужим причитает, дак та-та почти што каждый раз причитает. <...> Причитать приглашают, если не розумеет нехто дак*» (Брусенский, Монастыриха, 429-35); «*Ну, плакать-то плакала, но причитать я не*

прицитала, потому што прицитать надэ тожо умноши. А людям на стране – это тожо худо, это тожо худо. Прицитать надэ складно ведь. Складно! <...> Уж хто лучие Симики прицитая, не знаю, Отександра, не знаю, она всем на ужас, всем на завидос[т]ь» (Бобровский, Бобровское, 1839-05).

Опытные исполнительницы старались так организовать причетное действие, чтобы в нём обязательно приняли участие родственники покойного, тем самым осуществляя преемственность в передаче необходимых художественных знаний: «*Вот я бы не знала, дак ко мне бы пришла, дак она бы начала немножко-то так подпричитывать, а ты бы значит кончай*» (Уфтуогский, Кокшенская, 1411-02).

Мастерство причитальщицы определяло ее статус и значимость в культурной традиции. Причетно контролируя, подтверждая и направляя обрядовое действие, опытная исполнительница обеспечивала нормативное проведение обряда, что определяло последующую благополучную жизнь семейно-родового и общинного социума. Таким образом, исполнительский уровень как значимый структурно-содержательный компонент художественной формы ярко выражает диалектно-стилевые особенности причетных явлений в традиции.

Причтания в системе похоронно-поминального обрядового комплекса сохраняют свое функциональное значение в наши дни, в связи с жизнестойкостью представлений о традиционных правилах и нормах взаимных отношений мира живых с миром умерших. Изучение причетных форм по сей день бытующих в современном модернизированном обществе, а значит выполняющих значимые социокультурные функции, является актуальной задачей современной науки.

Литература

1. Балуевская, С.В. Похоронно-поминальные причтания в устюгской традиции Нюксенского района Вологодской области / С.В. Балуевская // Отечественная этномузикология: история науки, методы исследования, перспективы развития: Материалы Международной науч. конф., 30 сентября – 3 октября 2010 г. / Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова. – СПб., 2011. – Т. 2. – С. 18 – 36.
2. Балуевская, С.В. «Свое» и «иное» в похоронно-поминальных причтаниях Нюксенского района Вологодской области / С.В. Балуевская // Рябининские чтения – 2011: Материалы VI конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. – Петрозаводск, 2011. – С. 213 – 216.
3. Мехнечев, А.М. Традиционные формы похоронно-поминальной обрядности (поминальные, «урочные» дни) – по результатам экспедиций 1992-2000 гг. в Вологодскую и Смоленскую области / А.М. Мехнечев // Народная традиционная культура и современность: материалы научно-практической конф. (с. Нюксеница, 5 октября 2003 г.). – Вологда, 2004. – С. 96 – 106.
4. Мехнечев, А.М. Фольклорный текст в структуре явлений народной музыкальной культуры / А.М. Мехнечев // Музыка устной традиции: материалы международных конференций памяти А. В. Рудневой. – М., 1999. – С. 178 – 182.
5. Пашина, О.А. Мир живых и мир мёртвых в музыкальных звуках / О.А. Пашина // Голос и ритуал: Материалы науч. конф. (май 1995 г.) – М., 1995. – С. 76 – 81.
6. Чистов, К.В. Специфика фольклора в свете теории информации / В.К. Чистов // Фольклор. Текст. Традиция. – М., 2005. – С. 26 – 43.
7. Чистов, К.В. Текст письменный – текст устный / В.К. Чистов // Фольклор. Текст. Традиция: Сб. ст. – М., 2005. – С. 68 – 74.